

Хуа Тянь бежал во весь опор до самого Подземного царства.

Когда он наконец вернулся в свои покои, пиршество уже закончилось. Просторный зал Подземного царства напоминал поле боя: призрачные слуги валялись на полу вповалку. Огибая спящих и перепрыгивая через раскинутые тела, Хуа Тянь с трудом прокладывал себе путь к выходу.

На самом повороте из зала чьи-то руки мертвой хваткой вцепились ему в бедро. Хуа Тянь, и без того сгоравший от нетерпения, вспыхнул от злости.

«Какому идиоту жить надоело?»

Он гневно обернулся и наткнулся взглядом на Чжун Ли. Тот, пуская слюни, увлеченно размазывал их по чужому сапогу и безостановочно бормотал одно и то же имя:

— Чанлю... Чанлю...

— Кто? — Хуа Тянь наклонился к самому лицу Чжун Ли, пытаясь разобрать пьяный лепет.

— Шэнь Чанлю! — внезапно во всю глотку взревел Чжун Ли.

От этого оглушительного крика у Хуа Тяня, не ожидавшего такой подлянки, зазвенело в ушах.

— Сумасшедший, — прошипел он, потирая пострадавшее ухо и проклиная свое дурацкое любопытство.

Он брезгливо пнул Чжун Ли свободной ногой. К счастью, тот сразу же переключил внимание на ближайшую опорную колонну и, крепко обняв ее, оставил Хуа Тяня в покое.

Обойдя всё поместье, он так и не нашел Цзянь Цзяня. Это было странно. Обычно мальчишка ходил за ним хвостиком, куда бы тот ни направился, а теперь, когда он был так нужен, словно сквозь землю провалился.

После долгих поисков ноги сами привели его к берегу Реки Забвения.

Кристально чистая вода Реки Забвения серебрилась под лунным светом, создавая иллюзию сказочного мира. По обеим сторонам пылали алым пламенем ликорисы, резко контрастируя с беспросветным мраком подземной ночи. По глади воды расходились мягкие круги, эпицентром которых был Цзянь Цзянь.

Река в этом месте была неглубокой. Тонкая, изящная талия юноши возвышалась над водой, а скрытые под прозрачной гладью стройные ноги белели, словно свежие корни лотоса. Капли воды стекали по его влажным черным волосам, скользили по изгибу шеи, прокладывали дорожки вдоль позвоночника к упругим ягодицам и неохотно срывались вниз, растворяясь в речном потоке.

Обладая превосходным зрением, Хуа Тянь жадно впитывал эту картину, не упуская ни единой детали. Он даже дышать боялся, чтобы случайным вздохом не нарушить эту хрупкую, безмолвную красоту.

Из-за выпитого вина щеки Цзянь Цзяня горели румянцем, придавая его облику манящую чувственность. Он неторопливо омывал тело, пока его ладони не скользнули вниз, уверенно сжав набухшую плоть. Для молодого, полного сил юноши в этом не было ничего постыдного.

Вот только для невольного свидетеля, затаившегося в тени, это зрелище превратилось в изысканную пытку. Хуа Тянь не мог заставить себя отвести взгляд. Желание вспыхнуло мгновенно, горячей волной ударив в пах, и его собственное достоинство налилось тяжестью, требуя разрядки.

Лишь когда Цзянь Цзянь натянул на себя нижнее белье, Хуа Тянь смог наконец облегченно выдохнуть. Насухо вытерев испачканные пальцы, он вышел из укрытия и негромко позвал:

— Цзянь Цзянь.

— Господин Хуа... — юноша вздрогнул и принялся судорожно натягивать верхние одежды. Его лицо залила густая краска стыда. — Вы... когда вы пришли?

Пытаясь справиться с дрожащими руками, он путался в завязках, отчего халат сидел на нем совершенно нелепо.

— Да вот только что, когда ты из воды выходил, — соврал Хуа Тянь, стараясь говорить как можно небрежнее. — Вода же ледяная, нашел место для купания.

Видя, как тот мучается с одеждой, Хуа Тянь шагнул ближе и принялся помогать ему. Случайное прикосновение к гладкой прохладной коже отозвалось в теле Хуа Тяня сладостной дрожью. В памяти тут же всплыли недавние очертания мокрого тела, лишая его остатков самообладания.

«С каких это пор я стал таким похотливым?»

Захмелевший Цзянь Цзянь лишь тихонько икнул и послушно замер, позволяя делать с собой все, что угодно.

Закончив с халатом, Хуа Тянь вспомнил о главном. Он достал верёвку духовной связи и

аккуратно перевязал ей волосы юноши, собрав их на макушке в аккуратный, изящный узел. Без привычных растрепанных прядей Цзянь Цзянь сразу преобразился: черты его лица стали четче, а утонченная красота раскрылась во всем великолепии.

— Что это? — Цзянь Цзянь опустился на колени у кромки воды, разглядывая в речной глади свое отражение и несмело касаясь пальцами гладкой шелковой ленты небесно-голубого цвета.

Хуа Тянь присел рядом и терпеливо объяснил ему свойства верёвки духовной связи.

Трудно было сказать, уловил ли сонный юноша хоть слово. Он не проронил ни звука, а пока Хуа Тянь расправлял складки его одеяния, и вовсе сладко посапывал, погрузившись в глубокий сон.

— Эх, горе ты мое... — вздохнул Хуа Тянь.

Скользнув взглядом по обнаженной белой шее юноши, он не удержался и нежно провел по ней ладонью. И снова перед глазами возникла сцена у реки.

«Так и с ума сойти недолго. Стоит только коснуться — и я снова завожусь. Эдак я точно до смерти себя доведу».

Он бережно поднял Цзянь Цзяня на руки и отнес в спальню. Уложив его на постель, Хуа Тянь лег рядом и, обняв свое сокровище, наконец уснул спокойным, чистым сном.

Небесный дворец

Как только за Хуа Тянем закрылись двери, улыбка мгновенно сошла с лица Императора Хуагая. Сложив пальцы в тайном жесте, он быстро сделал предсказание. Глаза его резко распахнулись. Схватив небольшой флакон с пилюлями, он в то же мгновение бесследно исчез из дворца Доушуай.

Лань Цзыцзюнь покинул Небесный дворец и устремился на запад. Добравшись до Западного рая и незаметно обогнув охранявших врата монахов, он проскользнул в пустующий боковой павильон. Его заброшенность выражалась не в руинах или сорняках — здесь просто давно никто не появлялся, отчего место казалось мертвым.

Этот павильон, примыкавший к Главному залу Раската Грома, обители самого Будды, именовался Павильоном Судьбоносных Бездн. Своими размерами Павильон Судьбоносных Бездн почти не уступал главному храму. Внутри царила неопишуемая роскошь: сокровища и редкие артефакты громоздились на каждом шагу. И все же здесь веяло холодом. В огромных залах не чувствовалось ни капли жизни. Будда наложил на это место строжайший запрет, закрыв его для любых существ трех миров. Лишенные внимания редкие диковины были

обречены веками пылиться в безупречной чистоте, сверкая лишь для самих себя.

Ориентируясь по смутным воспоминаниям, Лань Цзыцзюнь отыскал в глубине павильона небольшой закрытый дворик. Питаемые мощными потоками духовной энергии, там буйно цвели орхидеи. Их крупные, сочные бутоны тесно жались друг к другу на крепких стеблях.

«Все это ложь... Всё фальшивка!»

Лань Цзыцзюнь в ярости принялся вырывать орхидеи с корнем, затаптывая их в грязь. Обезумев от гнева, он рванул на себя дверь дома, но встретил сокрушительный отпор скрытой формации. Мощный импульс подбросил его в воздух и с силой швырнул на каменные плиты двора.

— Кто посмел? — раздался в вышине низкий, властный голос еще до того, как хозяин явил себя.

Небо прорезал ослепительный золотой луч. Зажмурившись от нестерпимого сияния, Лань Цзыцзюнь замер в ожидании.

— Ничтожный прислужник подземного царства... Как смеешь ты бесчинствовать в этой обители?!

Когда сияние померкло, перед ним предстал Будда Шакьямуни. Великий Татхагата взирал на распростертого у его ног Лань Цзыцзюня с ледяным высокомерием.

Глядя на верховное божество, Лань Цзыцзюнь лишь горько усмехнулся. Сжав в кулаке растоптанные бутоны, он хрипло рассмеялся:

— Орхидеи цветут зимой и весной... С чего бы им распускаться в этот знойный летний день? Всё это иллюзия! Сплошная ложь!

Лицо Будды потемнело.

— Кто ты такой? — сурово спросил он.

— Вы — великий Будда, парящий высоко над смертным миром. Откуда вам знать имя такого ничтожества, как я?

Лань Цзыцзюнь попытался подняться. Старые раны, не успевшие затянуться, в сочетании с новым ударом лишили его последних сил. Из его рта брызнула темная кровь, в глазах потемнело, и он начал заваливаться набок.

— Цзыцзюнь!

Вспыхнул еще один сноп света, и подоспевший Император Хуагай успел подхватить падающее тело.

— Ты пришел... — прошептал Лань Цзыцзюнь и обессиленно закрыл глаза, полностью доверяясь объятиям Юаньцзяня.

— Что ты с ним сделал?! — Всегда мягкий и сдержанный Император Хуагай сейчас едва сдерживал ярость, с ненавистью глядя на Будду Шакьямуни.

Будда на мгновение опешил от такого тона, но тут же раскатисто рассмеялся:

— Юаньцзянь, о Юаньцзянь... Сколько лет я не видел тебя в гневе. И надо же — устроить сцену из-за безродного ничтожества. Твои вкусы с каждым веком становятся все невзыскательнее.

— Не смей называть меня этим именем, — процедил сквозь зубы Хуагай. — Отныне я — Император Хуагай.

Не желая больше тратить ни секунды, он крепче прижал к себе Лань Цзыцзюня и стремительно покинул Западный рай.

Окидывая взглядом истоптанный сад, Будда Шакьямуни небрежно взмахнул широким рукавом. Земля тут же разгладилась, а изувеченные орхидеи вновь поднялись к небу во всем своем великолепии.

— Разворотить чужой цветник, да еще и качать права... Никакого почтения к старшим, — негромко пробормотал он себе под нос. — Похоже, за эти годы я слишком разбаловал тебя.

<http://bllate.org/book/18412/1796506>